

Рудольф Штайнер
Путь к самопознанию человека.
Порог духовного мира

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182388

Путь к самопознанию человека: Феникс; Ростов н/Дону; 2004

ISBN 5-222-04989-2

Аннотация

Задача этой книги состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать что-нибудь читателю, уже более подробно знакомому с литературой и работами в области сверхчувственного, как оно здесь разумеется. Таким образом, знакомый со сверхчувственной жизнью найдет здесь нечто такое, что может показаться ему важным. С другой же стороны, книга может оказаться полезной также и людям, еще далеко стоящим от достижений духовной науки.

Содержание

ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ВОСЬМИ МЕДИТАЦИЯХ	4
Вступительные замечания	4
ПЕРВАЯ МЕДИТАЦИЯ	6
ВТОРАЯ МЕДИТАЦИЯ	11
ТРЕТЬЯ МЕДИТАЦИЯ	15
ЧЕТВЕРТАЯ МЕДИТАЦИЯ	19
ПЯТАЯ МЕДИТАЦИЯ	23
ШЕСТАЯ МЕДИТАЦИЯ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рудольф Штайнер

Путь к самопознанию человека

ПУТЬ К САМОПОЗНАНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ВОСЬМИ МЕДИТАЦИЯХ

Вступительные замечания

В этой книге поставлена задача – дать духовно-научные познания о существе человека. Изложение ведется таким образом, чтобы читатель мог вращаться в излагаемое так, чтобы по мере чтения оно становилось для него как бы своего рода беседой с самим собой. Если эта беседа складывается так, что при этом раскрываются скрытые до тех пор силы, которые могут быть пробуждены в каждой душе, тогда чтение приводит к действительной внутренней душевной работе. И душа может увидеть себя постепенно вынужденной к душевному странствию, переносящему ее, воистину, к созерцанию духовных миров. Поэтому сообщаемое дано в форме восьми медитаций, которые могут быть действительно проведены. В последнем случае они могут оказаться пригодными для того, чтобы раскрыть душе путем ее собственного внутреннего углубления то, о чем в них говорится.

Задача этой книги состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать что-нибудь читателю, уже более подробно знакомому с литературой и работами в области сверхчувственного, как оно здесь разумеется. Таким образом, знакомый со сверхчувственной жизнью найдет здесь, может быть, в самом способе изложения, в непосредственной связи сообщения с душевным переживанием нечто такое, что может показаться ему важным. С другой же стороны, некоторые найдут, что именно благодаря такому способу изложения книга может оказаться полезной также и людям, еще далеко стоящим от достижений духовной науки.

По отношению к другим моим сочинениям из области духовной науки, эта книга должна служить дополнением, а также и расширением. Однако ее можно читать и как нечто самостоятельное.

В моей «Теософии» и в «Очерке тайноведения» была поставлена задача изложить вещи так, как они представляются наблюдению, обращенному на духовное. Изложение в этих сочинениях описательное; ход его был предписан той закономерностью, которая раскрывается из самих вещей. В этом «Пути к самопознанию человека» изложение ведется иначе. В нем говорится о том, что может пережить душа, вступающая определенным образом на путь к духу. Поэтому на это сочинение можно смотреть как на передачу душевных переживаний. Надо только принять во внимание, что переживания, которые могут быть испытаны человеком в таком роде, как они здесь описаны, должны для каждой отдельной души сообразно ее особенностям принимать индивидуальную форму. Автор старался соблюсти это условие; поэтому можно представить себе еще и так, что описанное в том виде, как оно здесь изложено, было в точности пережито какой-нибудь определенной душой (поэтому и заглавие должно быть понято в смысле некоего «Пути к самопознанию» – «Ein Weg zur Selbsterkenntnis»). По этой причине изложенное может послужить к тому, чтобы и другие души могли вживаться в его содержание и достигать соответственных целей. Таким образом, это сочинение является дополнением и расширением также и того, что содержится в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»

Здесь изложены только некоторые отдельные основные переживания духовной науки. От дальнейших сообщений в таком же роде, касающихся других областей «духовной науки», автор счел нужным пока отказаться.

Рудольф Штайнер
Мюнхен, август 1912

ПЕРВАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается получить верное представление о физическом теле

Когда душа через чувства и через их представления отдается явлениям внешнего мира, то при действительном обращении мысли на себя она не может сказать, что она воспринимает эти явления или что она переживает вещи внешнего мира. Ибо, по правде, во время отдачи себя внешнему миру, она ничего не знает о себе. Солнечный свет, в многообразии цветовых явлений разливающийся от вещей в пространстве, – в сущности, это он изживает себя в душе. Радует ли душа какому-нибудь событию, в мгновение радования она сама – радость, поскольку она знает о том. Радость сама изживает себя в ней. Душа и ее переживания мира суть одно; она переживает себя не как то, что радуется, удивляется, восхищается или страшится. Она сама – радость, удивление, восхищение, страх. Если бы душа всегда могла сознаваться себе в этом, то времена, когда она удаляется от переживания внешнего мира и переходит к наблюдению самой себя, предстали бы ей жизнью совсем особого рода, и прежде всего – совсем несравнимого с обычной жизнью души. В этой особого рода жизни начинают возникать в сознании загадки душевного бытия. И эти загадки суть, в сущности, источник всех прочих мировых загадок. Внешний мир и внутренний предстают перед духом человека, когда душа на некоторое время перестает быть одно с внешним миром и уходит в одиночество самобытия.

Этот уход не есть простое событие, которое, совершившись однажды, могло бы затем быть таким же образом повторено. Это, скорее начало странствия в дотоле неведомые миры. Когда странствие начато, каждый сделанный шаг становится поводом к дальнейшим. Он же является и подготовкой к этим дальнейшим. Он впервые делает душу способной к последующим шагам. И с каждым шагом узнаешь все больше в смысле ответа на вопрос: что такое человек в истинном смысле слова? Открываются миры, остававшиеся сокрытыми для обычного рассмотрения жизни. И, однако, только в них одних заключено то, что может раскрыть истину также и относительно этого рассмотрения жизни. Если даже ни один ответ и не будет всеобъемлющим, окончательным, то все же эти ответы, добываемые посредством внутреннего, душевного странствия, превосходят все, что могут дать нам внешние чувства и связанный с ними рассудок. И человек нуждается в этом ином. Он замечает, что это так, когда действительно обращает свою мысль на самого себя.

Для этого странствия необходимы прежде всего трезвые, сухие размышления. Они дают достоверную исходную точку для дальнейшего движения вперед в сверхчувственные области, которые и являются, в конце концов, для души ее целью. Иная душа желала бы обойтись без этой исходной точки и тотчас же проникнуть в сверхчувственное. Но здоровая душа, даже если она вначале и избегала подобных размышлений, не имея к ним склонности, впоследствии все же отдастся им. Ибо сколько бы человек ни узнавал о сверхчувственном, отправляясь от иной исходной точки, твердую почву под ногами можно приобрести только путем такого рода размышлений, как нижеследующее.

В жизни души могут настать мгновения, когда она говорит сама себе так: ты должна быть в состоянии устраниться от всего, что может дать тебе внешний мир; иначе ты будешь вынуждена к признанию, с которым нельзя дальше жить, а именно – что ты лишь само себя изживающее противоречие. То, что ты воспринимаешь вовне, оно существует без тебя; оно было без тебя и будет без тебя.

Зачем в тебе ощущаются краски, раз твое ощущение может не иметь для них никакого значения? Зачем вещества и силы внешнего мира строят твое тело? Оно оживляется, слагаясь в твое внешнее явление. Внешний мир слагается в тебя. Ты замечаешь, что нужда-

ешься в этом теле. Ибо без внешних чувств, которые только оно одно может создать тебе, ты прежде всего ничего не мог бы пережить в себе. Таким, каков ты сейчас, ты был бы пуст без твоего тела. Оно дает тебе внутреннюю полноту и содержание. И тогда могут возникнуть те размышления, без которых не может обойтись человеческое бытие, если оно не хочет в известные, наступающие для каждого человека мгновения вступить в невыносимое противоречие с самим собой. Это тело, оно живет так, что является ныне выражением душевного переживания. Процессы его таковы, что душа живет им и в нем переживает себя. Некогда это будет не так. Со временем то, что живет в теле, будет подчинено совсем другим законам, чем теперь, когда все в нем протекает для меня, для моего душевного переживания. Оно будет подчинено тем законам, по которым обращаются ко внешней природе вещества и силы, — законам, не имеющим больше никакого отношения ко мне и к моей жизни. Тело, которому я обязан моим душевным переживанием, будет принято в общий круговорот мира и останется в нем так, что не будет иметь ничего общего со всем тем, что я в себе переживаю.

Подобное размышление может вызвать во внутреннем переживании все ужасы мысли о смерти без того, чтобы к этому впечатлению примешались чисто личные чувства, обычно связанные в душе с этой мыслью. Эти чувства действуют так, что в присутствии их нелегко устанавливается то спокойное, невозмутимое настроение, которое необходимо для познавательного размышления. Более чем понятно, что человек ищет познания о смерти и о жизни души, независимой от разложения тела. Положение, в котором он находится по отношению к вопросам, о которых здесь идет речь, способно больше, чем что-либо другое в мире, затуманить объективный взгляд и заставить принять ответы, подсказанные желанием. Но в духовной области человек не может ни о чем приобрести истинного познания, если он не сумеет стать как бы совершенно непричастным и принимать так же охотно «нет», как и «да». Между тем стоит ему только добросовестно заглянуть в себя, чтобы стало совершенно ясным, что сознание об угасании со смертью тела также и душевной жизни он не принял бы с тем же спокойствием, как сознание, которое говорит о продолжении существования души после смерти. Конечно, есть люди, которые совершенно честно верят в уничтожение души вместе с прекращением телесной жизни и которые строят свою жизнь на этой мысли. Однако и о них можно сказать, что в своих чувствах они относятся к этой мысли отнюдь не беспристрастно. Они, правда, не позволяют себе под влиянием ужасов уничтожения доходить до того, чтобы желание, направленное на продолжение жизни, пересиливало в них доводы убедительного для них познания. Поэтому представления таких людей бывают нередко более объективны, чем представления тех, которые, сами того не зная, морочат себя или позволяют морочить себя доводами в пользу продолжения жизни по той причине, что в тайниках их души горит желание такового продолжения. Однако и у отрицателей бессмертия предвзятость бывает не менее велика. Но только она другого рода. Среди них можно встретить людей, которые создают себе определенное представление о том, что называется жизнью и существованием. Это представление приводит их к необходимости мыслить определенные условия, при которых единственно возможна эта жизнь. Из своих воззрений на жизнь они делают вывод, что по отпадении тела не может больше быть необходимых условий для жизни души. Эти люди не замечают, что они уже предварительно составили себе определенное представление об условиях, при которых единственно возможна жизнь, и что они только потому не могут верить в ее продолжение после смерти, что составленное ими представление не допускает возможности помыслить существование, свободное от тела. Они связаны если не своими желаниями, то представлениями, от которых никак не могут освободиться. В этой области существует еще много и других предвзятостей. Привести можно всегда только единичные примеры из всего многообразия подобных рассуждений.

Мысль, что тело, в процессах которого изживает себя душа, подпадет некогда внешнему миру и будет следовать законам, не имеющим никакого отношения ко внутреннему

переживанию, – эта мысль ставит перед душой переживание смерти так, что к этому размышлению могут не примешиваться личные интересы. Так что это переживание может привести к чистому, безличному познавательному вопросу. Но тогда вскоре появляется ощущение, что мысль о смерти значительна не сама по себе, но лишь потому, что может пролить свет на жизнь. Человек неизбежно приходит к воззрению, что загадка жизни познаваема через сущность смерти.

То, что душа желает продолжения своего бытия, должно было бы во всяком случае сделать ее недоверчивой ко всем мнениям, которые она создает себе об этом продолжении. Ибо фактам мира нет никакого дела до того, что чувствует душа. Пусть она чувствует себя бессмысленной перед лицом своих собственных запросов, принужденная думать, что она может подобно пламени, возникающему из горючего вещества, вспыхивать из вещества своего тела и потом снова угасать. Это могло бы быть и так, хотя бы и ощущалось как бессмыслица. Когда душа обращает свой взор на тело, она должна считаться только с тем, что может явить ей тело.

Может показаться, как будто в природе действуют законы, которые приводят вещества и силы во взаимодействие, и как будто эти законы через некоторое время получают власть над телом и тогда втягивают его в этот общий круговорот. Эту мысль можно поворачивать как угодно: с точки зрения естественнонаучной она, пожалуй, и применима, но по отношению к истинной действительности она оказывается совершенно несостоятельной. Можно находить, что эта мысль одна только обладает научной ясностью и трезвостью, а все остальное лишь субъективная вера; это легко можно себе вообразить. Но при истинной непредвзятости на ней нельзя остановиться. И в этом все дело. Важно не то, что душа ощущает существом своим как необходимость, а то, что являет собой внешний мир, из которого заимствовано тело. Этот внешний мир после смерти вбирает в себя свои вещества и силы. И они следуют в нем тогда своим законам, для которых совершенно безразлично, что происходит в человеческом теле во время жизни. Эти законы (физического и химического порядка) относятся к телу так же, как и ко всякому другому безжизненному предмету внешнего мира. Невозможно думать иначе, как только так, что это безразличное отношение внешнего мира к человеческому телу наступает не только со смертью, но что оно таково уже и во время жизни. Не из жизни можно почерпнуть представление об участии чувственного внешнего мира в человеческом теле, но единственно только из этой мысли: со всем, что является в тебе носителем твоих внешних чувств, посредником для тех процессов, которыми живет твоя душа, со всем этим воспринимаемый тобою мир обращается так, как это являет тебе твое представление о нем, простирающееся за грани твоей жизни, – представление, считающееся с тем, что настанет время, когда у тебя не будет больше при себе всего того, в чем ты теперь себя переживаешь. Всякое другое представление об отношении чувственного внешнего мира к телу дает уже само собою почувствовать свою несостоятельность перед действительностью. Но представление, что действительное участие внешнего мира в теле обнаруживается только после смерти, не находится в противоречии ни с чем из того, что на самом деле переживается во внешнем и внутреннем мире. Душа не чувствует ничего невыносимого при мысли, что ее вещества и силы подпадают ходу событий внешнего мира, не имеющих ничего общего с ее собственной жизнью. При полной и непредвзятой отдаче себя жизни, она не может открыть в глубинах своих ни одного возникающего из тела желания, которое делало бы ей тягостной мысль о разложении после смерти. Невыносимое наступает лишь тогда, если при этом создается представление, будто возвращающиеся во внешний мир вещества и силы уносят с собой также и переживающую себя душу. Такое представление было бы невыносимо по той же причине, как и всякое другое, не вытекающее естественно из отдачи себя откровению внешнего мира.

Приписывать внешнему миру при жизни тела совсем иное участие в его жизни, нежели после смерти, – это мысль, ни на чем не основанная. Как мысль, не имеющая смысла, она должна постоянно отпрядывать назад от действительности. Между тем как мысль о совершенно одинаковом участии внешнего мира в теле при жизни, как и после смерти, – это вполне здравая мысль. Когда душа проникнута этой мыслью, она чувствует себя в полной гармонии с откровением действительности. Она может чувствовать, что благодаря этому представлению она не вступает в противоречие с фактами, которые говорят сами за себя, и к которым нельзя пристегнуть никакой искусственной мысли.

Не всегда отдают себе отчет, в какой прекрасной гармонии находится естественное, здоровое чувство души с откровением природы. Это может показаться до такой степени само собой понятным, что на это как будто не стоит даже обращать внимания; и все же это, по видимости незначительное явление может осветить многое. Нет ничего невыносимого в мысли, что тело разложится на свои элементы, но зато есть нечто бессмысленное в мысли, что то же самое постигнет и душу. Есть много личных человеческих доводов, показывающих, что это бессмысленно. С такими доводами объективное размышление не должно считаться. Но вполне безличная отдача себя тому, чему учит внешний мир, показывает, что этому внешнему миру нельзя при жизни приписывать иного участия в душе, нежели после смерти. Решающим является то, что эта мысль возникает как необходимая, и что она способна противостоять всем возражениям, которые можно привести против нее. Кто совершенно сознательно продумает ее, тот ее почувствует как непосредственную достоверность. Но так думают в действительности как верующие в бессмертие, так равно и отрицающие его. Последние скажут, пожалуй, что в законах, действующих в теле после смерти, содержатся также и условия его отправлений при жизни; но они ошибаются, если верят, что могут на самом деле представить себе, будто эти законы при жизни находятся в ином отношении к телу, как носителю души, нежели после смерти.

Само по себе возможно лишь такое представление, что то, особое сочетание сил, которое проявляется в теле, настолько же безучастно к телу, носителю души, как и то сочетание, которое обуславливает процессы в мертвом теле. Эта безучастность существует не по отношению к душе, а по отношению к веществам и силам тела. Душа переживает себя в теле, тело же живет с внешним миром, в нем и через него, и душевное не имеет для тела иного значения, чем события внешнего мира. Необходимо прийти к воззрению, что тепло и холод внешнего мира имеют для кровообращения такое же значение, как страх или стыд, испытываемые душой.

Итак, прежде всего человек чувствует в себе законы внешнего мира действующими в том совершенно особом сочетании, которое сказывается в образовании человеческого тела. Он ощущает это тело как часть внешнего мира. Но внутреннему сочетанию его он остается чужд. Внешняя наука отчасти выясняет теперь, каким образом законы внешнего мира сочетаются в том совершенно особом существе, каким является человеческое тело. Можно ждать, что в будущем знание это будет все более подвигаться вперед. Но как должна думать о своем отношении к телу душа, в этом не могут ничего изменить никакие успехи знания. Напротив, оно все яснее должно будет показать, что законы внешнего мира находятся в одинаковом отношении к душе как до, так и после смерти. Было бы иллюзией ждать, что с успехами познания природы выяснится из законов внешнего мира также и то, каким образом происходящие в теле процессы обуславливают душевную жизнь. Все отчетливее будут познаваться процессы, происходящие в теле во время жизни; но эти процессы всегда будут оказываться такими, что душа будет ощущать их столь же внешними по отношению к себе, как и то, что происходит в теле после смерти.

Поэтому во внешнем мире тело должно являться сочетанием сил и веществ, существующим и объяснимым само по себе, как член этого внешнего мира. Природа дает возникнуть

растению и снова разлагает его. Она господствует над человеческим телом и уничтожает его внутри своего существа. Когда человек подходит к природе с таким размышлением, он может забыть себя и все, что есть в нем, и ощутить свое тело как часть внешнего мира. Когда он думает так о своем отношении к себе и к природе, он переживает в себе то, что можно назвать его физическим телом.

ВТОРАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается получить истинное представление о стихийном или эфирном теле

Через представление, которое душа должна составить себе по поводу факта смерти, она может быть повергнута в полную неуверенность относительно своего собственного существа. Это произойдет в том случае, если она думает, что не может ничего знать ни о каком другом мире, кроме как о мире внешних чувств и о том, что может познать об этом мире рассудок. Обычная душевная жизнь обращает свой взор на физическое тело. Она видит, как оно переходит после смерти в общий круговорот природы, не принимающей участия в том, что душа переживает до смерти как свое собственное бытие. Правда, она может знать (из предыдущей медитации), что физическое тело и во время жизни имеет к ней такое же отношение, как и после смерти: но это не ведет ее дальше признания внутренней самостоятельности ее собственного переживания до смерти. Что происходит с физическим телом после смерти, это показывает ей наблюдение внешнего мира. Для внутреннего переживания не существует такого наблюдения. Такой, какова она есть, эта душевная жизнь не может устремить взор за грань смерти. Если душа не в состоянии составить себе представлений, выходящих за грань того мира, который принимает в себя тело после смерти, то она не имеет также и возможности заглянуть по ту сторону смерти во что-либо иное, кроме как в пустое «ничто» по отношению ко всему душевному.

Для того, чтобы это могло быть иначе, душа должна была бы воспринимать внешний мир другими средствами, кроме внешних чувств и связанного с ними рассудка. Они сами принадлежат к телу и уничтожаются вместе с ним. То, что они говорят, никогда не может привести ни к чему иному, кроме как к выводу первичной медитации. А он состоит лишь в том, что душа может признаться себе: ты привязана к своему телу. Последнее подчинено законам природы, имеющим к тебе такое же отношение, как и прочие законы природы. Благодаря им ты часть внешнего мира, и внешний мир имеет часть в тебе, которая проявляется всего яснее, когда ты размышляешь о том, что делает этот мир с твоим телом после смерти. Для жизни он дает тебе внешние чувства и рассудок, которые делают для тебя невозможным видеть то, что происходит с твоим душевным переживанием по ту сторону смерти. Это признание может привести только к двум результатам. Или человек подавит в себе всякую дальнейшую пытливость относительно загадки души и откажется от какого-либо знания в этой области. Или же им будут сделаны усилия, чтобы внутренним душевным переживанием достигнуть того, в чем отказывает внешний мир. Эти усилия могут привести к тому, что сделают внутреннее переживание сильнее и энергичнее, чем оно бывает в обыкновенном существовании.

В обыкновенной жизни человек обладает известной силой своих внутренних переживаний, своих ощущений и мыслей. Например, он бывает занят какой-нибудь мыслью всегда лишь постольку, поскольку имеется к тому какой-нибудь внешний или внутренний повод. Но можно выбрать из ряда мыслей одну какую-нибудь мысль и без всякого повода начать снова и снова продумывать ее, внутренне напряженно переживать ее. Можно повторно делать эту мысль единственным предметом своего внутреннего переживания. И в это время можно не допускать до себя никаких внешних впечатлений или воспоминаний, готовых возникнуть в душе. Такую полную, исключаящую все остальное отдачу себя известным мыслям или также ощущениям можно превратить в правильную внутреннюю деятельность. Чтобы такое внутреннее переживание привело к действительно значительным последствиям, оно должно быть предпринято непременно на основании определенных, проверенных законов. Такие

законы указываются наукой о духовной жизни. Многие из них приведены в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» Таким путем достигается укрепление сил внутреннего переживания. Последнее как бы сгущается. Что благодаря этому происходит, это можно узнать из наблюдений над собой, которые наступают, если продолжать вышеозначенную внутреннюю деятельность достаточно долгое время. Конечно, в большинстве случаев понадобится много терпения, пока проявятся убедительные результаты. И кто не согласен в течение долгих лет прилагать это терпение, тот ничего особенного не достигнет. Здесь можно привести только пример подобных результатов. Они бывают различного рода. И то, что здесь будет приведено, применимо для продолжения медитативного пути, с описания которого мы начали.

Человек может долго упражняться в вышеуказанном внутреннем укреплении своей душевной жизни. Возможно, что он не переживет в себе ничего такого, что могло бы заставить его думать о мире иначе, чем он дотоле привык. Но затем однажды может произойти следующее. Конечно, то, что будет здесь описано, не произойдет совершенно одинаковым образом даже у двоих людей. Но кто захочет получить представление об одном из таких переживаний, тот уяснит себе и всю область, о которой здесь идет речь.

Может наступить мгновение, когда душа начнет внутренне переживать себя совершенно иначе, чем обыкновенно. В большинстве случаев это бывает сначала так, что душа как бы оживает, переходя от сна к сновидению. Но тотчас становится ясным, что это переживание нельзя сравнить с тем, что разумеют обычно под сновидением. Бываешь тогда совершенно исторгнут из мира внешних чувств и рассудка и однако переживаешь все так же, как и в обычной жизни, когда в бодрственном состоянии стоишь перед внешним миром. Чувствуешь побуждение представить себе это переживание. Для этого представления берешь те понятия, какие имеются в обыкновенной жизни, но очень хорошо знаешь, что переживаешь нечто совсем иное, чем то, к чему относятся эти понятия нормально. На последние смотришь только как на средства для выражения переживания, которого дотоле не испытывал и о котором знаешь, что в обыкновенном существовании оно невозможно. Чувствуешь себя как бы окруженным грозой и бурей. Слышишь гром и видишь молнии. Знаешь, что находишься в комнате в каком-то доме. Чувствуешь себя пронизанным силой, о которой дотоле ничего не знал. Потом чудится, что видишь в стенах вокруг себя трещины. Хочется сказать самому себе или лицу, стоящему рядом с тобой: дело плохо – молния ударила в дом, она настигает меня. Я чувствую себя схваченным ею. Она меня уничтожает. И после того, как пройдет целый ряд таких представлений, внутреннее переживание переходит опять в обычное душевное состояние. Находишь себя снова в себе, вместе с воспоминанием о только что пережитом. Если это воспоминание так же живо и точно, как и всякое другое, то оно дает возможность составить суждение о только что пережитом. Тогда непосредственно знаешь, что пережито было нечто такое, чего нельзя пережить никаким телесным чувством, а также и обыкновенным рассудком. Ибо чувствуешь, что только что сделанное описание, какое можно дать себе или другим, является только средством для выражения этого переживания. Выражение это хотя и является средством, чтобы объясниться по поводу пережитого, но само не имеет с ним ничего общего. Знаешь, что для такого переживания не нуждаешься ни в одном из своих внешних чувств. Кто сошлется здесь на скрытую деятельность внешних чувств или мозга, тот не знаком с истинным характером этого переживания. Он держится описания, которое говорит о молнии, громе, трещинах в стене, и поэтому думает, что душа пережила лишь отголоски обыденной жизни. Он принужден считать пережитое лишь за видение в обыкновенном смысле слова. Он не может думать иначе. Одно только упускает он из виду – то, что изображающий такое переживание пользуется словами: молния, гром, трещины в стене, как образами для пережитого, но что он не смешивает само переживание с образами. Правда, ему самому представляется, как если бы он действительно воспринимал эти образы. Но в

данном случае он не так относится к явлению молнии, как когда он видит ее своими глазами. Видение молнии является для него чем-то, как бы простертым над действительным переживанием; сквозь молнию смотрит он на нечто совсем иное, чего нельзя пережить в чувственном мире.

Для правильного суждения необходимо, чтобы душа, переживающая подобное состояние, сумела совершенно здраво отнестись к внешнему миру, когда это переживание окончится. Она должна быть в состоянии правильно сравнивать испытанное ею особое переживание с переживанием обычного внешнего мира. Кто даже в обычной жизни склонен предаваться всяким мечтательным представлениям по поводу вещей, тот мало пригоден для такого суждения. Чем больше у человека здравого, хотелось бы сказать, трезвого чувства действительности, тем это лучше, когда дело идет о правдивом и значительном обсуждении подобных вещей. Отнестись с доверием к своим сверхчувственным переживаниям можно только тогда, когда имеешь право сказать себе по отношению ко внешнему миру, что принимаешь вещи и события отчетливо такими, каковы они есть.

Если все необходимые условия таким образом исполнены, и человек имеет основание признать, что он не сделался жертвой простого видения, то он знает, что пережил нечто такое, для наблюдения чего тело не послужило посредником. Наблюдение было произведено непосредственно, помимо тела, окрепшей в самой себе душой. Он получил представление о переживании вне своего тела. Ясно, что в этой области закономерные различия между мечтанием или иллюзией и подлинным, произведенным вне тела наблюдением могут быть установлены только в том же самом смысле, как и в области чувственных восприятий. Бывает, что какой-нибудь человек обладает живым вкусовым воображением и уже при одном представлении о лимонаде ощущает почти так, как если бы он его действительно пил. Но различие между тем и другим выяснится тем не менее из всей совокупности жизненных условий. То же самое можно сказать и о переживаниях вне тела. Чтобы прийти в этой области к представлениям совершенно убедительным, надо здраво вжиться в нее, приобрести способность наблюдать взаимную связь переживаний и таким образом исправлять одно другим.

Путем таких переживаний, как только что описанное, человек получает возможность не одними только внешними чувствами или рассудком, то есть орудиями тела, наблюдать то, что составляет часть его самого. Теперь он знает о мире не только другое, нежели о чем дают ему познание эти орудия; но он знает о нем по-другому. И это особенно важно. Душа, проходящая через внутреннее изменение, все более и более приходит к воззрению, что угнетающие ее вопросы бытия не могут быть разрешены в мире внешних чувств, потому что внешние чувства и рассудок не могут достаточно глубоко проникать в мир. Глубже проникают души, которые так изменяются, что могут переживать вне тела. В сообщениях, которые они могут давать о своих переживаниях, заключается то, что в состоянии разрешить душевные загадки.

Но переживание, протекающее вне тела, бывает совсем иного рода, чем переживание в теле. Это и выясняет нам наше суждение, которое мы могли составить себе относительно описанного переживания, когда после него наступило обычное бодрственное состояние души и установилось достаточно живое и ясное воспоминание. Душа ощущает чувственное тело отделенным от остального мира; она воспринимает его принадлежащим только к себе. Иначе бывает с тем, что переживаешь в себе вне тела. В такие моменты чувствуешь себя связанным со всем, что можно назвать внешним миром. Все окружающее чувствуешь связанным с собой, как в жизни внешних чувств – свою руку. По отношению к внутреннему душевному миру не существует безразличия внешнего мира. Ощушаешь себя в полной мере как бы сросшимся или сплетенным с тем, что можешь назвать миром. Все, что окружает созерцающую душу, так же связано с ней, как с физической головой – обе телесные руки. И все же можно говорить о некоторой части этого внешнего мира, которая больше

связана с собственным твоим существом, нежели все прочее, – как можно сказать и о голове, что по отношению к рукам или ногам она является самостоятельным членом. Душа называет часть чувственного внешнего мира своим телом. Душа, переживающая вне этого тела, может также считать своею часть нечувственного внешнего мира. Когда человек достигает наблюдения этой области, лежащей по ту сторону мира внешних чувств, он может говорить, что ему принадлежит некое не воспринимаемое внешними чувствами тело. Это тело можно назвать стихийным или эфирным телом; причем слово «эфирное» не надо связывать с представлением о тонком веществе, называемом в физике «эфиром».

Как простое размышление об отношении человека к природному внешнему миру создает соответствующее фактам представление о физическом теле, так и странствие души в области, которые могут быть узрены вне чувственного тела, приводит к признанию стихийного или эфирного тела.

ТРЕТЬЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается составить себе представление о ясновидческом познании стихийного мира

Когда человек начинает воспринимать не чувственным телом, но вне его – телом стихийным, то он переживает мир, неведомый восприятиям внешних чувств и обыкновенному рассудочному мышлению. Если сравнивать этот мир с чем-нибудь, принадлежащим к обычному переживанию, то придется сравнить его с миром воспоминаний или представлений памяти. Подобно тому как последние возникают из глубин души, так бывает и со сверхчувственными переживаниями стихийного тела. Но только при возникновении образа воспоминания душа знает, что он имеет отношение к прежнему переживанию в мире внешних чувств. Сверхчувственное представление точно так же содержит в себе известное отношение. Как представление памяти само собою заявляет о себе, как о чем-то, что нельзя назвать просто только образом фантазии, так бывает и с представлением сверхчувственным. Оно вырывается из душевного переживания, но тотчас же раскрывается как внутреннее переживание, имеющее отношение к чему-то внешнему. Образ воспоминания вызывает в душе нечто, что было пережито. Благодаря сверхчувственному представлению то, что когда-то или где-то существует в сверхчувственном мире, делается внутренним душевным переживанием. Таким образом, сама сущность сверхчувственных представлений показывает, что на них можно смотреть как на внутренне раскрывающиеся сообщения из сверхчувственного мира.

Как далеко можно уйти вперед в такого рода переживаниях сверхчувственного мира, это зависит от степени энергии, с которой человек добивается укрепления своей душевной жизни. Получает ли он просто понятие о том, что растение не есть только то, что воспринимается в мире внешних чувств, или же он получает подобное понятие о всей земле: и то, и другое принадлежит к одной и той же области сверхчувственного переживания. Когда человек, достигший способности восприятия вне своего чувственного тела, смотрит на растение, то кроме тех свойств, которые открывают ему его внешние чувства, он может воспринять в нем еще некий тонкий облик, проникающий все растение. Этот облик является ему как бы неким силовым существом, и он приходит к тому, что начинает рассматривать это силовое существо как то самое, что из веществ и сил чувственного мира строит растение и обуславливает обращение его соков. Пользуясь подходящим, хотя и не совсем точным выражением, он может сказать: в растении есть нечто, что таким же образом приводит в обращение его соки, как моя душа поднимает мою руку. Он обращает взор на нечто внутреннее в растении. И за этим внутренним в существе растения он должен признать самостоятельность по отношению к тому, что видит в растении его внешние чувства. Он должен также признать за ним, что оно существует до чувственного растения. Он достигает способности наблюдать за тем, как растение растет, увядает, дает семена и как из последних возникает новое растение. Сверхчувственный силовой облик бывает наиболее могуч, когда это наблюдение совершается над ростом растения. Тогда чувственное существо бывает сравнительно не приметно, сверхчувственное же, наоборот, многосложно. Оно заключает в себе все то, что из мира сверхчувственного работает над созиданием и ростом растения. При сверхчувственном наблюдении всей земли обнаруживается некое силовое существо, о котором можно с совершенной уверенностью знать, что оно существовало раньше, чем возникло все то, что на земле и в земле может быть воспринято чувственно. Этим путем человек приходит к переживанию перед собой сверхчувственных сил, которые в прошлые времена земли работали над ней. То, что он переживает таким образом, можно назвать эфирными или стихийными

основными существами, или телами растения и земли, подобно тому, как тело, которым он воспринимает вне тела физического, он называет своим собственным стихийным или эфирным телом.

Уже в самом начале развития способности сверхчувственного наблюдения человек получает возможность приписывать некоторым вещам и процессам чувственного мира кроме их чувственных качеств еще и такие стихийные основные сущности. Он может говорить об эфирном теле растения или земли. Но стихийные сущности, наблюдаемые таким образом, бывают отнюдь не единственными, которые предстают сверхчувственному переживанию. О стихийном теле растения он скажет, что оно слагает в облик вещества и силы чувственного мира и таким путем изживается в чувственном теле. Но можно наблюдать еще другие сущности, которые ведут стихийное существование, не изживаясь во внешнем чувственном теле. Таким образом, для сверхчувственного наблюдения существуют еще и чисто стихийные существа. Человек переживает не только как бы некое дополнение к миру внешних чувств: он переживает целый мир, в котором чувственный мир представляется как бы наподобие кусков льда, плавающих в воде. Если бы кто-нибудь был в состоянии видеть один только лед, а не воду, то он мог бы приписать действительность только льду, а не воде. Кто хочет держаться только того, что открывают ему внешние чувства, тот отрицает сверхчувственный мир, в котором мир внешних чувств составляет только часть, подобно тому как плавающие в воде куски льда составляют только часть всей массы воды.

На это заметят, что люди, способные производить сверхчувственные наблюдения, пользуются при описании того, что они видят, выражениями, заимствованными у чувственных ощущений. Таким образом, можно встретить такие описания стихийного тела какого-нибудь существа из мира внешних чувств или существа чисто стихийного, в которых говорится, что оно является замкнутым в самом себе, разнообразно окрашенным световым телом. Оно вспыхивает красками, мерцает или светится, и можно заметить, что эти световые или цветовые явления суть обнаружения его жизни. То, о чем говорит наблюдатель, в сущности совершенно невидимо, и он сознает, что световой или цветовой образ имеет такое же отношение к предмету его восприятия, как, скажем, сочинение, в котором сообщается о каком-нибудь событии – к самому событию. И все же, это нельзя понимать в том смысле, как если бы это было только произвольное выражение чего-нибудь сверхчувственного посредством представлений, заимствованных из чувственных ощущений; во время наблюдения человек действительно имеет перед собой картину, похожую на впечатление внешних чувств. Это происходит оттого, что при сверхчувственном переживании освобождение от чувственного тела не бывает полным. Последнее все еще продолжает жить вместе со стихийным телом и переводит сверхчувственное переживание в чувственную форму. И описание какого-нибудь стихийного существа производится тогда действительно так, что оно оказывается как бы визионарным или фантастическим сочетанием впечатлений внешних чувств. Но, несмотря на это, даваемое таким образом описание бывает верной передачей пережитого. Ибо человек видел то, что он описывает. Ошибка, которая может произойти при этом, заключается не в описании видения как такового. Ошибка будет только тогда, если за действительность будет принято видение, а не то, на что указывает видение, как на отвечающую ему действительность.

Человек, который никогда не воспринимал цветов, – слепорожденный, – если он приобретет соответствующую способность, никогда не станет описывать стихийных существ, говоря, что они вспыхивают, как цветовые явления. Он будет пользоваться для выражения представлениями тех ощущений, которые ему привычны. Людям же, обладающим чувственным зрением, вполне свойственно пользоваться при описании таким выражением, как: вспыхивает цветовой образ. Таким путем они могут воссоздать ощущение того, что видел наблюдатель стихийного мира. И это не только при сообщении, которое ясновидящий, назовем так

человека, способного наблюдать своим стихийным телом, делает неясновидящему, но также и при обмене сообщениями среди ясновидящих. В мире внешних чувств человек живет в своем чувственном теле, и последнее облакает для него его сверхчувственные наблюдения в формы внешних чувств; поэтому в земной жизни человека выражение сверхчувственных наблюдений посредством вызванных ими чувственных образов является первоначально все еще пригодным способом сообщения.

Дело в том, что воспринимающий такое сообщение имеет в душе переживание, находящееся в правильном отношении к данному событию. Чувственные образы сообщаются лишь затем, чтобы через них было нечто пережито. Такими, как они предстают, они не могут встретиться в мире внешних чувств. В этом и состоит их особенность. Потому-то они и вызывают переживания, которые не относятся ни к чему чувственному.

В начале своего ясновидения человек лишь с трудом будет освобождаться от выражения чувственного образа. Но при дальнейшем развитии этой способности непременно возникнет потребность найти более независимые изобразительные средства для сообщения виденного. Но тогда неизменно является необходимость объяснить сперва те знаки, которыми при этом пользуются. Чем больше в современной культуре будет возникать запрос, чтобы сверхчувственные познания получали всеобщую известность, тем больше будет выдвигаться потребность передавать эти познания посредством выражений, заимствованных из повседневной жизни в чувственном мире.

Сверхчувственные переживания могут проявляться так, что они по временам наступают у человека. Они тогда как бы находят на него. И ему представляется возможность путем собственного переживания узнавать кое-что о сверхчувственном мире в той мере, в какой этот мир более или менее часто благодатно озаряет его душевную жизнь. Но еще более высокая способность заключается в том, чтобы произвольно вызывать из обычной душевной жизни ясновидческое наблюдение. Путь к достижению этой способности в общих чертах заключается в энергичном и упорном внутреннем укреплении душевной жизни. Но многое зависит также и от достижения известного душевного настроения. Необходимо спокойное, невозмутимое отношение к сверхчувственному миру. Отношение, которое так же далеко от жгучего желания узнать возможно больше и возможно яснее, как и от отсутствия интереса к этому миру. Жгучее желание действует так, что оно простирает перед освобожденным от тела созерцанием как бы незримый туман. Отсутствие же интереса приводит к тому, что сверхчувственные вещи, хотя на самом деле и открываются, но остаются просто незамеченными. Это отсутствие интереса выражается иногда совсем особым образом. Есть люди, которые совсем искренне желали бы иметь переживания ясновидения. Но они заранее создают себе определенное представление о том, какими должны быть эти переживания для того, чтобы они могли признать их подлинность. И вот наступают действительные переживания; но они проскальзывают мимо, встреченные без интереса, оттого что они не таковы, какими они должны были бы быть по представлению людей.

При ясновидении, вызванном произвольно, во время внутренней деятельности души наступает мгновение, когда знаешь: вот душа переживает нечто, чего она не переживала доселе. Переживание это не есть какое-нибудь определенное ощущение; оно есть общее чувство, что имеешь перед собой не чувственный внешний мир, что ты находишься не в нем, но в то же время – и не в себе, как это бывает в обыкновенной душевной жизни. Внутреннее и внешнее переживания сливаются воедино в одно чувство жизни, которое было дотоле неизвестно душе, но о котором она знает, что не могла бы иметь его, если бы жила одними только внешними чувствами во внешнем мире или если бы жила только в своих обычных ощущениях и образах воспоминаний. Далее чувствуешь, что в это душевное состояние прокрадывается нечто из доселе неведомого мира. Но никак не можешь найти представлений для этого неведомого. Переживаешь, но не можешь себе представить. В то же время челове-

ком, переживающим это, овладевает чувство, как если бы препятствие представить себе то, что просится в душу, заключалось в его чувственно-физическом теле. Если же он неизменно будет продолжать внутренние душевные усилия, то через некоторое время он почувствует себя победителем над сопротивлением своего тела. Аппарат физического рассудка до сих пор был приспособлен только к созданию представлений, связанных с переживаниями чувственного мира. Вначале он оказывается неспособным возвыситься до ступени представления то, что хочет открыться из сверхчувственного мира. Его надо сперва переработать, чтобы он стал на это способен. Подобно тому, как ребенок видит развертывающийся вокруг него внешний мир, но аппарат его рассудка должен быть сперва подготовлен переживанием этого внешнего мира, чтобы начать создавать себе представления об окружающем, – так и человек бывает вообще не в состоянии представить себе сверхчувственный мир. То же самое, что происходит в ребенке, производит и ясновидящий над аппаратом своих представлений. Он подвергает этот аппарат действию своих окрепших мыслей. В силу этого последний постепенно изменяется. Он становится в силах ввести сверхчувственный мир в жизнь представлений. Человек чувствует, как внутренней душевной работой он действует созидательно на свое собственное тело. Сперва оно оказывает тяжелое противодействие душевной жизни; человек чувствует его в себе как какой-то чуждый предмет. Потом он замечает, как оно все больше приспособляется к переживанию души; под конец он уже больше не чувствует тела, но зато он имеет перед собой сверхчувственный мир; таким же образом он не воспринимает и глаз, посредством которого видит мир красок. Прежде, чем душа сможет увидеть сверхчувственный мир, тело должно стать неощутимым. Если таким образом ему удастся достигнуть независимого душевного ясновидения, то, как общее правило, он всегда сможет снова вызвать это состояние при сосредоточении на какой-нибудь мысли, которую он может особенно сильно переживать в себе. В результате отдачи себя такой мысли будет наступать ясновидение. Сначала человек не будет еще в состоянии увидеть что-нибудь вполне определенное из того, что он хочет видеть. В душевную жизнь будут вмешиваться сверхчувственные вещи и события, которых он отнюдь не готовился увидеть и которых как таковых вовсе не хотел вызвать. Однако при дальнейшем внутреннем напряжении ему удастся направить духовный взор также и на те предметы, которые он намеревается узнать. Подобно тому, как пытаются вызвать в памяти забытое переживание тем, что вызывают в душе другое, родственное ему, так и ясновидящий может исходить из переживания, о котором имеет основание думать, что оно находится в связи с искомым. Если он будет интенсивно отдаваться уже знакомому переживанию, то часто через некоторое время к нему присоединится и то, что он хотел пережить. Вообще же надо заметить, что для ясновидящего спокойное выжидание благоприятного мгновения имеет величайшую важность. Не следует насильственно добиваться чего-либо. Если желанное переживание не наступает, то лучше пока отказаться от него и найти к нему случай еще раз впоследствии. Познавательный аппарат человека нуждается для известных переживаний в спокойствии. У кого нет терпения выжидать такого созревания, тот будет делать неверные или неточные наблюдения.

ЧЕТВЕРТАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается составить представление о «Страже порога»

Когда душа достигнет способности наблюдать что-либо вне чувственного тела, для нее могут наступить известные трудности в жизни чувств. Она может увидеть себя вынужденной занять по отношению к самой себе совершенно иное положение, чем к какому привыкла раньше. Она находилась к миру внешних чувств в таком отношении, что смотрела на него как на мир внешний, а на внутренние переживания – как на свою собственность. К сверхчувственному внешнему миру она не может отнестись так. Воспринимая этот внешний мир, она тотчас же как бы сливается с ним; она не может представить себя отделенной от него, как она представляет себя отделенной от внешнего чувственного мира. Поэтому все, что она может назвать по отношению к этому сверхчувственному внешнему миру своим внутренним миром, получает особые черты, которые сначала трудно бывает соединить с представлениями о внутреннем. Нельзя больше сказать: я мыслю, я чувствую, или: у меня есть мысли, и я слагаю их. Надо сказать: нечто мыслит во мне, нечто зажигает во мне чувства, нечто слагает мысли, так что они выступают совершенно определенно и оказываются присутствующими в сознании.

В этом чувстве может заключаться что-то чрезвычайно гнетущее, если характер сверхчувственного переживания дает уверенность в том, что на самом деле переживаешь действительность, а не предаешься фантастике и иллюзии. То, как оно проявляется, может показать, что сверхчувственный внешний мир хочет почувствовать себя, хочет помыслить себя, но что-то мешает ему осуществить это желание. В то же время испытываешь ощущение, что то, что так просится в душу, это и есть настоящая действительность, и что только она одна может объяснить все то, что дотоле переживалось как действительность. Это ощущение принимает еще и такую форму, что сверхчувственная действительность является чем-то, по ценности своей далеко затмевающим доселе ведомую душе действительность. Это ощущение потому имеет в себе что-то гнетущее, что приходишь к мысли: следующий шаг, который предстоит тебе сделать, ты должен захотеть его сделать. В самом существе того, чем ты стал благодаря своему внутреннему переживанию, заключена необходимость сделать этот шаг. Если бы этот шаг не был сделан, то тебе пришлось бы ощутить это как отрицание того, что ты есть или даже как самоуничтожение. Тем не менее может явиться и такое чувство, что ты не в состоянии его сделать или что если и попытаешься его по возможности сделать, то все-таки он будет несовершенным.

Все это превращается в представление: душе, такой, какова она теперь, предстоит задача, с которой справиться она не может; ибо, оставаясь такой, какова она сейчас, она не может быть принята сверхчувственным внешним миром, потому что последний не хочет иметь ее в себе. Таким образом, душа начинает чувствовать себя в противоречии со сверхчувственным миром; она принуждена сказать себе: ты не такова, чтобы мочь слиться с этим миром. Но только он может показать тебе истинную действительность, а также и то, как сама ты относишься к этой истинной действительности; таким образом, ты отлучила себя от подлинного наблюдения истины. Это чувство знаменует собой опыт, который получает все более и более решающее значение относительно ценности твоей собственной души. Чувствуешь, что всей полнотой своей жизни пребываешь в заблуждении. Однако это заблуждение отличается от других заблуждений. Последние мыслятся, это же переживается. Заблуждение мысленное устраняется, когда неверная мысль заменяется верной. Пережитое заблуждение стало частью самой душевной жизни; ты сам теперь – заблуждение; нельзя его просто исправить; ибо, как тут ни думай, а оно все же здесь, оно часть действительно-

сти, и притом – твоей собственной действительности. Такое переживание заключает в себе что-то уничтожающее для твоей собственной сущности. Ощуаешь, как твой внутренний мир мучительно отталкивается всем тем, чего страстно желаешь. Эта боль, ощущаемая на известной ступени душевного странствия, далеко превосходит все то, что можно испытать как боль в мире внешних чувств. И поэтому она может превысить все то, до чего человек дорос своей предшествовавшей душевной жизнью. Она может заключать в себе что-то оглушающее. Душа стоит перед жутким вопросом: откуда мне взять силы, чтобы вынести возложенную на меня задачу? И она должна найти эти силы в своей собственной жизни. Они состоят в том, что можно назвать внутренним мужеством, внутренним бесстрашием.

Чтобы сделать дальнейшие шаги в душевном странствии, необходимо прийти к тому, чтобы изнутри раскрылись такие силы выносить свои переживания, которые давали бы внутреннее мужество и внутреннее бесстрашие, – силы, каких вовсе не требуется для жизни в теле внешних чувств. Такие силы достигаются только через истинное самопознание. В сущности, только на этой ступени развития видишь, как мало на самом деле ты знал о себе до сих пор. Раньше ты отдавался внутреннему переживанию, не рассматривая его так, как рассматривают часть внешнего мира. Но благодаря тем шагам, которые привели к способности переживать вне тела, человек получает особые средства для самопознания. Он учится до некоторой степени смотреть на себя с такой точки зрения, которая является только тогда, когда находишься вне чувственного тела. И описанное угнетающее чувство само уже есть начало истинного самопознания. Переживание себя заблуждающимся в своем отношении к внешнему миру показывает человеку, какова в действительности его собственная душевная сущность.

Природе человеческой души свойственно ощущать такое откровение о самой себе как что-то мучительное. Только когда почувствуешь эту муку, узнаешь, как сильно вполне понятное желание считать себя, оставаясь таким, каков ты есть, за человека ценного и значительного. Пусть то, что это так, покажется тебе безобразным: необходимо стать лицом к лицу с этим безобразием самого себя. Раньше ты не чувствовал этого безобразия только потому, что никогда действительно не проникал своим сознанием в собственную сущность. Только в такое мгновение впервые замечаешь, в какой степени ты любишь в себе то, что теперь приходится ощущать как безобразие. Могущество себялюбия является в полном своем объеме. В то же время обнаруживается, как мало ты склонен отбросить это себялюбие. Трудность оказывается очень большой даже уже тогда, когда дело идет о свойствах души, касающихся обычной жизни, ее отношения к другим людям. Через истинное самопознание узнаешь, например, такие вещи: доселе ты считал, что относишься к такому-то человеку доброжелательно, а на самом деле ты питал к нему скрытую в глубине души зависть или ненависть, или что-то подобное. Знаешь, что эти не обнаруживающиеся до сих пор чувства наверно захотят когда-нибудь проявиться. И понимаешь, что было бы совершенно поверхностным сказать себе: вот ты теперь узнал, как обстоит у тебя дело; так уничтожь же в себе зависть и ненависть. Ибо становится ясным, что при всех этих мыслях ты наверно окажешься очень слабым, когда жажда удовлетворить ненависть или изжить зависть вырвется из души с как бы первобытной силой. Такие частичные самопознания возникают у того или другого человека в зависимости от особого склада его душевного существа. Они появляются, когда наступает переживание вне чувственного тела, ибо только тогда самопознание становится истинным и не может быть больше затемнено желанием увидеть себя таким или иным, каким было бы приятно оказаться.

Эти особые самопознания бывают мучительными, гнетущими для души. Но кто хочет приобрести способность переживать вне тела, тот не может избежать их. Ибо они наступают необходимо благодаря тому совсем особому отношению, в которое человек должен встать к своей собственной душе. Но нужны еще большие душевные силы, когда дело касается

всеобщего и целого человеческого самопознания. Наблюдаешь себя с такой точки зрения, которая лежит за гранью прежней душевной жизни. Говоришь самому себе: ты смотрел на вещи и события мира сообразно твоей человеческой сущности и так судил о них. Попытайся представить себе, что ты не можешь их так рассматривать и так судить о них. Но тогда ты вообще перестал бы быть тем, что ты есть. У тебя не было бы внутренних переживаний. Ты сам был бы ничем. Так должен сказать себе не только тот, кто живет в повседневности и лишь изредка создает себе представления о жизни и о мире. Так должен сказать себе каждый ученый, каждый философ. Ибо и философия есть только наблюдение и обсуждение мира сообразно свойствам человеческой душевной жизни. Но такое обсуждение не может слиться со сверхчувственным внешним миром. Оно отвергается этим последним. А тем самым отвергается и все то, чем ты был до сих пор. Оглядываешься на всю свою душу, на свое «Я» как на то, что приходится сбросить с себя, если хочешь вступить в сверхчувственный мир. И все-таки душа не может не считать это «Я» своей подлинной сущностью, пока она не вступает в сверхчувственный мир. Она принуждена видеть в нем истинную сущность человека. Она должна сказать себе: через это мое «Я» должна я создавать себе представления о мире; это мое «Я» нельзя мне утратить, если я не хочу утратить самое себя как существо. В ней господствует сильнейшее стремление повсюду сохранить свое «Я», чтобы не потерять всякую почву под ногами. Душа должна по справедливости ощущать таким образом в обыденной жизни; но ей нельзя больше так ощущать, когда она вступает в мир сверхчувственный. Здесь она должна переступить через порог, за которым ей надлежит покинуть не только то или иное ценное достояние, но покинуть то, чем она была доселе для самой себя. Она должна быть в состоянии сказать себе: то, что считалось тобой доселе за твою основную правду, необходимо, чтобы за порогом сверхчувственного мира это могло явиться тебе самым жестоким заблуждением.

Перед таким требованием душа может содрогнуться и отступить. То, что ей предстоит сделать, она может ощутить в такой степени как отдачу себя, как признание ничтожества своей собственной сущности, что у этого порога она сознается себе в своем бессилии удовлетворить этому требованию. Это сознание может принимать всевозможные формы. Оно может проявиться совершенно инстинктивно, и человеку, который думает и действует в духе этого признания, оно может представиться чем-то совсем иным, а не тем, что оно есть на самом деле. Он может, например, ощутить глубокое отвращение ко всяким сверхчувственным истинам. Он может счесть их за мечтания или за фантастику. Он поступает так только потому, что в неведомых ему самому глубинах души он питает тайный страх перед этими истинами. Он ощущает, что он в состоянии жить только с тем, что открывают ему его внешние чувства и рассудок. Поэтому он избегает подходить к порогу сверхчувственного мира. И это избегание он облачает в такую форму, будто то, что находится за порогом, несостоятельно перед лицом разума и науки. Но дело в том, что он любит разум и науку такими, какими он их знает только потому, что они связаны с его «Я». Дело идет здесь о самой общечеловеческой форме себялюбия. Последнюю же нельзя взять с собою в сверхчувственный мир.

Но может случиться и так, что человек не остановится на этой инстинктивной задержке перед порогом; что он сознательно дойдет до него и потом повернет назад, потому что ощутит страх перед тем, что ему предстоит. Тогда нелегко ему будет изгладить действия, оказанные на его обычную душевную жизнь приближением к порогу. Они будут заключаться в последствиях, которые испытанное им бессилие быстро охватит всю его душевную жизнь.

Дальнейшее заключается в том, чтобы человек усвоил себе способность отбрасывать при вступлении в сверхчувственный мир все, что он ощущает в обыкновенной жизни как самую крепкую правду, и чтобы он научился ощущать вещи и судить о них по-иному. Но он должен также ясно сознавать, что когда он будет снова в мире внешних чувств, то он снова

должен будет пользоваться и тем родом ощущений и суждений, которые имеют силу для этого мира. Он должен научиться не только жить в двух мирах, но и жить в обоих мирах совершенно различно. Находясь обычно в мире внешних чувств и рассудка, он не должен умалять значение здравого суждения по той причине, что в ином мире он вынужден применять иной род суждения.

Трудно для человеческого существа занять такое положение. Эта способность достигается продолжительным, усиленным и терпеливым укреплением душевной жизни. Переживая опыт, связанный с приближением к порогу, человек ощущает, что для обыкновенной душевной жизни – благодеяние не быть доводимым до этого порога. Ощущения, возникающие в нем, таковы, что об этом благодеянии нельзя думать иначе, как что оно проистекает от какого-то властного существа, защищающего человека от опасности пережить у порога ужасы самоуничтожения. За внешним миром, который дан в обычной жизни, сокрыт иной. У порога его стоит строгий Страж, способствующий тому, чтобы человек ничего не узнавал из законов сверхчувственного мира. Ибо все сомнения, всякую неуверенность относительно этого мира все же легче перенести, чем созерцание того, что надо оставить позади, если хочешь вступить в сверхчувственный.

Человек остается защищенным от описанных переживаний, пока сам не подойдет к этому порогу. Если он слышит рассказы об этих переживаниях от людей, которые подошли к порогу или переступили его, то это ничего не меняет в его защищенности. Напротив того, воспринятое таким образом может сослужить ему хорошую службу, когда он подойдет к порогу. В этом случае, как и во многих других, если человек имел возможность заранее составить себе представление о предстоящем ему поступке, то он может выполнить его лучше, чем если бы он ничего не знал о нем. В самопознании же, которое странник должен приобрести в сверхчувственном мире, ничего не изменится от такого предварительного знакомства. Поэтому, когда некоторые ясновидящие или лица, близко знакомые с сущностью ясновидения, утверждают, что об этих вещах вообще не надо говорить в кругу людей, не стоящих непосредственно перед решением проникнуть в сверхчувственный мир, то это не соответствует действительности. Мы живем теперь в такое время, когда люди должны все более знакомиться с сущностью сверхчувственного мира, если они хотят быть душевно на высоте предъявляемых им жизнью запросов. Распространение сверхчувственных познаний, а вместе с тем и познаний о Страже порога, принадлежит к задачам настоящего и ближайшего будущего.

ПЯТАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается составить представление об «астральном теле»

Когда человек переживает стихийным телом сверхчувственный внешний мир, то он бывает не так резко отделен от последнего, как он бывает отделен от своей физической среды при переживании в чувственном теле. Тем не менее к этому сверхчувственному внешнему миру у него существует отношение, которое можно выразить в словах, говоря, что человек связал с собой известные составные части стихийного мира в виде особого стихийного тела, подобно тому как в физическом теле он несет на себе вещества и силы внешнего физического мира. Замечаешь, что это так, когда хочешь ориентироваться в мире сверхчувственном вне своего чувственного тела. Может случиться, что перед тобой будет какое-нибудь событие или существо сверхчувственного мира. Оно может быть налицо, его можно видеть; но не будешь знать, что это такое. Если ты достаточно силен, то можешь прогнать его; однако только тем, что энергичным воспоминанием о своем опыте в чувственном мире опять возвратишься к последнему. Но, оставаясь в сверхчувственном мире, не можешь сравнивать увиденное существо или событие с другими. А между тем только путем сравнения и можно было бы ориентироваться в значении увиденного. Таким образом, созерцание сверхчувственного мира может ограничиться тем, что будешь воспринимать единичные вещи, но не сможешь свободно переходить от одного к другому. Тогда будешь чувствовать себя прикованным к единичному.

Можно начать искать причину этого ограничения. Найти ее удастся только тогда, когда путем дальнейшего внутреннего развития, которое еще больше укрепит душевную жизнь, достигнешь того, что в каком-нибудь отдельном случае этого ограничения больше не будет. Но тогда замечаешь, что причина, почему ты не мог переходить от одного увиденного к другому, лежит в твоей собственной душе. Узнаешь, что созерцание сверхчувственного мира отличается от восприятия чувственного мира еще тем, что в последнем, например, при правильной деятельности глаза можно видеть все видимое. Если видишь одно, то теми же глазами можешь видеть и другое. В сверхчувственном мире не так. Орган сверхчувственного восприятия в стихийном теле может оказаться достаточно развитым, чтобы сделать возможным переживание того или другого факта, но чтобы увидеть что-нибудь еще иное, для этого требуется новое, особенное развитие этого органа. Такое развитие сопровождается ощущением как бы пробуждения органа для определенной части сверхчувственного мира. Чувствуешь, как если бы стихийное тело находилось по отношению к сверхчувственному миру в состоянии сна и как если бы для каждой отдельной вещи необходимо было сначала пробудить его. Действительно, можно говорить о сне и бодрствовании в стихийном мире. Но только для этого мира сон и бодрствование не являются сменой состояний, как это бывает в жизни в пределах чувственного мира. Оба состояния присутствуют в человеке одновременно. Пока человек не приобрел способности переживать своим стихийным телом, последнее спит. Человек всегда носит в себе это тело, но в состоянии сна. С укреплением душевной жизни начинается пробуждение, но сначала только одной части этого тела. Затем начинаешь все больше вживаться в этот стихийный мир, пробуждая все большие области своего собственного стихийного существа.

В самом стихийном мире ничто не может содействовать этому пробуждению души. Сколько бы человек уже ни научился видеть, увиденное вовсе не способствует тому, чтобы можно было видеть и дальнейшее. Душа не может приобрести свободного движения в сверхчувственном мире с помощью чего-нибудь, почерпнутого ею в окружающем стихийном мире. Если продолжать упражнения в укреплении души, то для известных областей эта

подвижность будет приобретаться все в большей и большей степени. Благодаря всему этому замечаешь в себе нечто такое, что не принадлежит к стихийному миру, но что открываешь в себе самом при переживании этого мира. Находишь себя в сверхчувственном мире отдельным существом, которое является как бы руководителем твоего стихийного тела, как бы господином его, постепенно пробуждающим это тело к сверхчувственному сознанию.

Когда достигаешь этого, душу охватывает чувство огромного одиночества. Видишь себя посреди простирающегося во все стороны стихийного мира; видишь только одного себя среди бесконечных стихийных просторов как существо, которое не может нигде увидеть себе подобного. Это не означает, что всякое развитие ясновидения ведет к этому жуткому одиночеству; но кто сознательно, своей собственной силой, усваивает себе душевную крепость, тот непременно приходит к нему. И если он следует указаниям, шаг за шагом получаемым им от учителя, чтобы продвинуться вперед в развитии, то, может быть, не скоро, но когда-нибудь он все-таки узнает, что учитель предоставил его самому себе. Он сначала почувствует, что покинут им и предоставлен одиночеству в стихийном мире. Впоследствии лишь узнает он, что учитель мудро обращался с ним, что он должен был оставить его на самого себя, когда явилась необходимость такой самостоятельности.

Как бы изгнанным в стихийный мир кажется сам себе человек на этой ступени душевного странствия. Но если, благодаря внутренним упражнениям, у него будет достаточно душевной силы, то он может идти дальше. Он может начать видеть, как возникает не в стихийном мире, но в нем самом – новый мир, не тождественный ни с чувственным, ни со стихийным миром. К первому сверхчувственному миру для него присоединяется второй. Этот второй сверхчувственный мир есть, прежде всего, мир совершенно внутренний. Чувствуешь, что несешь его в себе самом и что находишься наедине с ним. Если сравнивать это состояние с чем-нибудь из внешнего мира, то можно сравнить его с состоянием человека, который пережил смерть всех своих любимых и близких и хранит в своей душе только воспоминание о них. Они еще продолжают жить для него только как его мысли. Так переживаешь во втором сверхчувственном мире. Несешь этот мир в себе, но знаешь, что ты отделен от истинной его действительности. Однако то, что живет в душе от этой действительности, само имеет совсем иную действительность, чем простые образы воспоминаний в чувственном мире. Этот сверхчувственный мир живет в твоей собственной душе своей самостоятельной жизнью. Все, что ни есть в душе, стремится наружу из нее, порывается к чему-то иному. Таким образом, чувствуешь в себе некий мир, но чувствуешь так, как если бы этот мир не хотел оставаться в твоей душе. Это вызывает чувство, как если бы каждая частность этого мира разрывала себя. Можно дойти до того, что эти частности начнут сами высвобождаться, что они как бы раздерут что-то похожее на душевную оболочку и покинут душу. Тогда можно почувствовать себя обедневшим, лишившимся всего, что таким образом вырвалось из души. Тогда узнаешь, что та часть чувственного содержания твоей души, которую ты умеешь любить ради нее самой, а не потому только, что она находится в твоей собственной душе, – что эта часть занимает в ней особое положение. То, что ты можешь любить с таким самоотвержением, это не отрывается от твоей души; оно хотя тоже вырывается наружу из души, но как бы берет с собой эту душу. Оно уводит ее туда, где оно живет в своей действительности. Происходит как бы некоторое соединение с действительным существом, между тем как дотоле носил в душе лишь как бы отражение этого существа. Но подразумеваемая здесь любовь должна быть такою, какая может быть пережита в сверхчувственном мире. В чувственном мире можно только готовиться к такой любви. Но готовятся к ней тем, что укрепляют в себе в чувственном мире способность любви. Чем сильнее любовь, к которой ты способен в чувственном мире, тем больше остается у души этой способности любви для мира сверхчувственного. Это относится и к частностям сверхчувственного мира, так что невозможно, например, достигнуть реальных сверхчувственных существ, связанных с рас-

тениями чувственного мира, если не любишь растений в чувственном мире. Однако относительно этих вещей легко впасть в ошибку. Может случиться, что в чувственном мире человек проходит мимо растений без всякой любви; и, несмотря на это, в его душе может таиться несознаваемая им склонность к миру растений. И эта любовь может проснуться в нем, когда он вступит в мир сверхчувственный.

Это соединение с существами сверхчувственного мира может зависеть как от любви, так и от других душевных качеств; например, от уважения или благоговения, которые душа может испытывать в сверхчувственном мире к какому-нибудь существу, когда она чувствует еще только, как возникает в ней отражение этого существа. Но это всегда будут такие качества, которые надо относить к внутренним и душевным. Так происходит познание тех существ сверхчувственного мира, к которым душа с помощью этих качеств сама открывает себе доступ. Тем, что человек своими отношениями к отражениям существ открывает себе доступ к ним, он прокладывает себе верный путь к ориентированию в сверхчувственном мире. В мире чувственном начинаешь любить существо после того, как узнал его; во втором, сверхчувственном мире можно перед встречей с действительностью полюбить ее отображение, потому что это отображение наступает прежде встречи.

То, что душа познает в себе таким образом, не есть стихийное тело. Ибо оно относится к последнему, как его пробудитель. Это есть существо, которое находится в душе и которое переживаешь так, как пережил бы себя, если бы во сне не лишился сознания, а ощущал бы себя сознательно вне своего физического тела и при пробуждении воспринимал бы себя как пробудителя. Так учится душа познавать находящееся в ней существо, которое является третьим после физического и стихийного тела. Назовем это существо астральным телом, и пусть это слово означает здесь пока только то, что изживается таким образом во внутреннем бытии души.

ШЕСТАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается составить представление о «теле Я» или «теле мысленном»

При переживании в астральном теле испытываешь с большей силой чувство своего пребывания вне чувственного тела, чем при переживании в теле стихийном. В последнем чувствуешь себя вне той области, в которой находится чувственное тело; но все же при этом ощущаешь и его. В астральном же теле ощущаешь само чувственное тело как что-то внешнее. При переходе в стихийное тело ощущаешь как бы расширение своего собственного существа, при вживании же в астральное тело испытываешь, напротив, как бы скачок в другое существо. И чувствуешь, как на это существо действует духовный мир других существ. Ощущаешь себя так или иначе связанным или даже родственным с этими существами. И постепенно узнаешь, как сами эти существа относятся друг к другу. Мир расширяется для человеческого сознания в сторону духа. Человек созерцает духовных существ, обуславливающих, например, то, что характер следующих друг за другом эпох развития человечества определяется действительно существами. Это Духи Времени или Начала. Знакомишься и с другими существами, душевное бытие которых протекает в том, что их мысли являются в то же время действительными силами природы. Приходишь к сознанию, что только для чувственного восприятия силы природы являются тем, за что принимает их это чувственное восприятие. Что повсюду, где действует какая-нибудь сила природы, в действительности изживается мысль какого-нибудь существа, подобно тому как в движении руки изживается душа человека. Все это не надо понимать в таком смысле, как если бы на основании какой-либо теории человек примышлял для явлений природы каких-нибудь стоящих позади них существ; человек, переживающий себя в астральном теле, вступает с этими существами в такое свободное от абстрактных понятий конкретное отношение, с каким в чувственном мире он подходит к другим индивидуальным людям. В области этих существ, к которым таким образом приближаешься, можно различить ряд ступеней и говорить о мире высших Иерархий. Тех существ, мысли которых открываются чувственному восприятию как силы природы, можно назвать Духами Формы.

Переживание в этом мире обуславливает то, что свое существо внутри чувственного мира начинаешь воспринимать как что-то в такой же мере внешнее, в какой для нашего зрения в чувственной жизни является внешним растение. Этот род пребывания вне того, что в обыденной жизни человек принужден ощущать, как весь объем своего собственного существа будет восприниматься, как что-то в высшей степени болезненное, до тех пор, пока к нему не присоединится еще иное переживание. Впрочем, при усиленной внутренней душевной работе, которая ведет к настоящему сгущению и укреплению душевной жизни, эта боль может и не проявиться в такой особенно сильной степени. Ибо одновременно со вживанием в астральное тело может происходить и медленное вступление в это иное переживание.

Это иное переживание состоит в том, что все, бывшее у тебя раньше на душе, ты можешь ощущать как своего рода воспоминание, и тогда относишься к своему «Я», каким оно было раньше, как относятся в чувственном мире к воспоминаниям. Только посредством такого переживания завоевываешь полное сознание, что поистине сам, своим собственным существом, живешь совсем в ином мире, нежели мир чувственный. Отныне знаешь, что бывшее доселе «Я» ты несешь в себе, как что-то иное, отличное от того, что ты есть в действительности. Теперь ты можешь противопоставить себя самому себе. И получаешь представление о том, что стоит ныне перед твоей собственной душой и о чем она раньше говорила: это я сама. Теперь она не говорит больше: это я сама, но: я несу это как что-то при себе. Как

в обыденной жизни «Я» чувствует себя чем-то самостоятельным по отношению к прежнему «Я». Оно чувствует себя принадлежащим к миру чисто духовных существ. И таким образом узнаешь, как показывает этот опыт, – опять-таки опыт, а не теория, – чем было на самом деле то, на что ты до сих пор смотрел как на «существо своего Я». Оно являлось сотканным из образов воспоминаний, созданных телами чувственным, стихийным и астральным, подобно тому, как зеркалом создается отражение. Как человек не отождествляет себя со своим отражением в зеркале, так и душа, изживающая себя в духовном мире, не отождествляет себя с тем, что переживает она как самое себя в мире чувственном. Сравнение с зеркальным отражением может быть принято, конечно, только как сравнение. Ибо отражение исчезает, когда человек соответственно меняет свое положение по отношению к зеркалу. Ткань же, как бы сотканная из образов воспоминаний и являющая собою то, что человек считает своим существом в чувственном мире, имеет большую самостоятельность, чем отражение. Она имеет в своем роде собственное существо. И все же по отношению к истинному бытию души она лишь как бы образ собственного существа. Истинное бытие души ощущает, что оно нуждается в этом образе для своего самооткровения. Оно знает, что оно само есть нечто иное, но что оно никогда не могло бы ничего действительно узнать о себе, если бы сперва не постигло себя как свое собственное отражение в том мире, который после его восхождения в духовный мир стал для него миром внешним.

Ткань образов воспоминаний, которую человек рассматривает отныне как свое прежнее «Я», можно назвать «телом Я» или «телом мысленным». Слово «тело» в этой связи следует понимать в более широком смысле по сравнению с тем, что принято обычно называть «телом». «Тело» означает здесь все то, что переживаешь при себе и о чем не говоришь, что это ты, а только – что имеешь это при себе.

И когда ясновидящее сознание достигнет способности переживать как сумму образов воспоминаний все то, что оно до сих пор обозначало как себя, только тогда оно сможет приобрести в истинном смысле и некоторый опыт о том, что скрыто за явлением смерти. Ибо оно подошло теперь к сущности поистине действительного мира, в котором оно чувствует себя существом, способным удерживать как бы в некой памяти все, что переживается в чувственном бытии. Чтобы продолжать свою дальнейшую жизнь, это пережитое в чувственном бытии нуждается в существе, которое могло бы удерживать его так же, как в чувственном бытии удерживает обычно «Я» образы воспоминаний. Сверхчувственное познание обнаруживает, что человек обладает бытием в мире духовных существ и что он сам хранит в себе чувственное бытие как воспоминание. На вопрос: что станет со всем тем, что я есть теперь, после смерти? – ясновидческое исследование отвечает так: ты будешь тем, что ты сохранишь от самого себя в силу твоего бытия как духовного существа среди других духовных существ.

Человек познает природу этих существ и внутри ее – свою собственную природу. И это познание бывает непосредственным переживанием. Благодаря ему узнаешь, что духовные существа, а с ними и собственная душа, имеют бытие, для которого бытие чувственное является преходящим откровением. Если для обыкновенного сознания оказывается – в смысле первой медитации, – что тело принадлежит к такому миру, истинное участие которого в теле обнаруживается в его разложении по смерти, то ясновидческое наблюдение показывает, что существо человеческого «Я» принадлежит к миру, с которым оно связано совсем иными узами, нежели какие связывают тело с законами природы. Узы, которыми существо «Я» связано с духовными существами сверхчувственного мира, остаются в самой внутренней сущности своей нетронутыми рождением и смертью. В жизни чувственного тела эти узы обнаруживаются только особым образом. То, что проявляется в этой жизни, есть выражение для взаимоотношений сверхчувственного порядка. Но так как человек как таковой есть существо сверхчувственное – каким он и является для сверхчувственного наблюдения, – то и связь одной человеческой души с другой душой в сверхчувственном не терпит ущерба

от смерти. И на жуткий вопрос, встающий перед обычным сознанием души в примитивной форме: увижу ли я после смерти тех, кого я знал в чувственной жизни как связанных со мной? – действительное исследование, уполномоченное опытом судить в этой области, должно ответить решительным «да».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.